

RICHARD
DAWKINS
A DEVIL'S
CHAPLAIN

REFLECTIONS ON HOPE,
LIES, SCIENCE, AND LOVE

РИЧАРД
ДОКИНЗ
КАПЕЛЛАН
ДЬЯВОЛА

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАДЕЖДЕ,
ЛЖИ, НАУКЕ И ЛЮБВИ

АСТ. МОСКВА

УДК 001(091)

ББК 72.3

Д63

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при поддержке Фонда некоммерческих программ
ДМИТРИЯ ЗИМИНА “ДИНАСТИЯ”

Докинз, Ричард

Д63 Капеллан дьявола: размышления о надежде, лжи, науке и любви / РИЧАРД
ДОКИНЗ; пер. с англ. П. ПЕТРОВА. — Москва: АСТ: CORPUS, 2013. — 416 с.

ISBN 978-5-17-078143-0

Акула плавает лучше человека, гепард лучше бегает, стриж лучше его летает, а капуцин — лазает. Слон сильнее человека, а секвойя — долговечнее. Однако, напоминает автор книг “Эгоистичный ген” и “Бог как иллюзия” — у нас есть нечто гораздо более ценное: понимание естественного отбора и отвращение к его плодам, дар предвидения и разум, способный проникнуть в суть вещей и охватить все мироздание. В своих эссе о науке, религии и здравомыслии знаменитый натуралист и философ призывает читателя оставить иллюзии и видеть чудеса в том, что являет нам сама реальность.

УДК 001(091)

ББК 72.3

ISBN 978-5-17-078143-0

- © Richard Dawkins, 2003
- All rights reserved
- © Фонд Дмитрия Зимина “Династия”, издание на русском языке, 2013
- © П. Петров, перевод на русский язык, 2013
- © А. Бондаренко, оформление, 2013
- © ООО “Издательство АСТ”, 2013
- Издательство CORPUS ®

Династия

Фонд некоммерческих программ “Династия”
основан в 2002 году
Дмитрием Борисовичем Зиминым,
почетным президентом компании “Вымпелком”.

Приоритетные направления деятельности Фонда —
развитие фундаментальной науки и образования
в России, популяризация науки и просвещение.
В рамках программы по популяризации науки
Фондом запущено несколько проектов.
В их числе — сайт elementy.ru, ставший одним
из ведущих в русскоязычном Интернете
тематических ресурсов,
а также проект “Библиотека ‘Династии’” —
издание современных научно-популярных книг,
тщательно отобранных экспертами-учеными.
Книга, которую вы держите в руках,
выпущена в рамках этого проекта.

---

*Более подробную информацию о Фонде “Династия”
вы найдете по адресу:
www.dynastyfdn.ru.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к американскому изданию 11

ЧАСТЬ I. Наука и чувства

Капеллан дьявола 20

Что есть истина? 30

Разрывы в мышлении 39

Наука, генетика и этика 48

Суд присяжных 64

Истина и хрустальные шары 70

Разоблачение постмодернизма 78

Радость жить опасной жизнью: Сэндерсон из Аундла 89

ЧАСТЬ II. “Много света будет пролито...”

“Много света будет пролито...” 105

Дарвин-триумфатор 129

К вопросу об информации 149

Гены — это не мы 168

“Сын” закона Мура 172

ЧАСТЬ III. Зараженный разум

Китайская джонка и “китайский шепот” 190

Вирусы разума 203

Великое сближение 231

Долли и рясоголовые 240

Пора выступить 245

ЧАСТЬ IV. “Мне, Гераклит, сказали...”

Плач по Дугласу 258

Речь памяти Дугласа Адамса 262

Речь памяти Уильяма Дональда Гамильтона 267

Змеиное масло 278

ЧАСТЬ V. “Даже ряды тосканские...”

Радоваться многообразию природы 297

Искусство развиваемого 304

Галлюцигения, виваксия и их друзья 318

Человеческий шовинизм и эволюционный прогресс 323

Неоконченная переписка с дарвинистом-тяжеловесом 342

ЧАСТЬ VI. “В нас есть вся Африка с ее чудесами...”

Экология генов 354

Из духа Африки 358

“Я речь веду об Африке золотой” 361

Герои и предки 366

ЧАСТЬ VII. Молитва о дочери

Хорошие и плохие основания чему-нибудь верить 381

Предметно-именной указатель 390

*Джульетте —
по случаю ее восемнадцатилетия*

Предисловие к американскому изданию

ЭТА КНИГА — МОЕ ЛИЧНОЕ ИЗБРАННОЕ из числа статей и лекций, выступлений и размышлений, рецензий на книги и предисловий к ним, панегириков и некрологов, которые я опубликовал (или, в некоторых случаях, не опубликовал) за последние двадцать пять лет. Они посвящены многим проблемам: поднимаемым дарвинизмом и в целом наукой, связанным с моралью, религией, образованием, правосудием, памятью об умерших, Африкой, историей науки, просто личным вопросам. Покойный Карл Саган назвал бы это любовными посланиями к науке и рационализму.

Хотя я готов признать, что в моих текстах иногда встречаются вспышки (вполне оправданного) раздражения, мне приятно сознавать, что по большей части я писал в позитивном ключе, кое-где даже с юмором. Там же, где я не мог сдержать эмоции, для этого имелось достаточно причин. Когда я давал волю гневу, я надеюсь, что умел его сдерживать. Когда говорил о грустном, надеюсь, что не доходил до отчаяния. Но в основном наука служит для меня источником живой радости, и я надеюсь, что это заметно по моей книге.

Книга состоит из семи частей, содержание и порядок которых определила, в тесном сотрудничестве со мной, Лата Менон. Помимо широкой эрудиции и разносторонней образованности, которых можно было ожидать от главного редактора всемирного английского издания энциклопедии “Энкарта”, Лата проявила незаурядный талант к составлению антологий. К каждому из семи разделов я написал введения, содержащие мои соображения о каждом из текстов, которые Лата сочла достойными воспроизведения, и о том,

---

Ричард Докинз

Капеллан дьявола

что связывает их друг с другом. Ее задача была не из легких, и я глубоко восхищен ее способностью одновременно держать в памяти намного больше моих сочинений, чем вошло в этот сборник, и ее мастерством, позволившим добиться более тонкого равновесия между ними, чем мне казалось возможным. Однако ответственность за материал, из которого ей пришлось выбирать, лежит, конечно, на мне самом.

У меня нет никакой возможности перечислить всех, помогавших мне в работе над каждым из этих текстов, написанных в течение двадцати пяти лет. В работе над сборником мне помогали: Вон Янь, Кристина Деблаз-Балльштадт, Майкл Довер, Лаура ван Дам, Кэтрин Брэдли, Энтони Читэм и, конечно, сама Лата Менон. Моя благодарность Чарльзу Симони за поддержку, отнюдь не только финансовую, не знает границ. А моя жена, Лалла Уорд, помогала мне, как и всегда, ободрением, советами и своим чутким слухом к музыке языка.

Ричард Докинз,
2003 год

ЧАСТЬ I
Наука и чувства

ПЕРВЫЙ ОЧЕРК в сборнике, “Капеллан дьявола”, публикуется впервые. Заглавие этого очерка, давшее название книге, разъясняется в нем самом. Второй очерк (“Что есть истина?”) стал моим вкладом в материалы одноименного симпозиума, опубликованные в журнале “Форбс Эй-эс-эй-пи”. Ученые склонны смотреть на истину прямолинейно, и запутанные рассуждения философов об ее реальности и значении вызывают у них раздражение. Добиться от природы раскрытия ее истин довольно трудно и без дополнительных преград, непрошено разбрасываемых на нашей дороге сторонними наблюдателями или навязчивыми попутчиками. В своем очерке я привожу доводы в пользу того, чтобы мыслить, по крайней мере, последовательно. Истины, касающиеся повседневной жизни, могут быть предметом философских сомнений в столь же большой (или малой) степени, как научные истины. Давайте избегать двойных стандартов.

Временами я боюсь превратиться в зануду, все время твердящего о двойных стандартах. Это началось еще в детстве, когда мой первый кумир, доктор Дулиттл¹ (неотступно вспоминаяшийся мне при чтении “Путешествия натуралиста” кумира моих зрелых лет — Чарльза Дарвина) повысил мое осознание, выражаясь удачным термином из феминистского лексикона, проблемы нашего обращения с животными (лучше сказать — с *другими* животными;

¹ Герой детских книг английского писателя Хью Лофтинга (1886–1947), доктор, который лечит животных и понимает их язык, прототип доктора Айболита. — *Примечание переводчика. Далее, если не указано иное, — примечания автора.*

мы, конечно, тоже животные). Честь повышения осознания этой проблемы современным обществом более других по праву принадлежит Питеру Сингеру — австралийскому специалисту по этике, недавно переехавшему в Принстон. Цель его проекта “Гоминиды” (*Great Ape Project*) состоит в том, чтобы и другим гоминидам¹ были предоставлены, насколько это возможно, гражданские права, аналогичные человеческим. Если вы зададитесь вопросом, *почему* на первый взгляд это кажется нелепым, то чем крепче вы об этом задумаетесь, тем менее нелепым это вам покажется. Дешевые шутки вроде “Ториллам, стало быть, понадобятся особо прочные урны для голосования?” будут быстро отброшены, ведь мы предоставляем права, хотя и не даем права голоса, детям, умалишенным и членам Палаты лордов. Самым серьезным возражением против проекта “Гоминиды” будет вопрос: “И куда это нас заведет? К предоставлению прав устрицам?” (Замечание Бертрана Рассела по сходному поводу.) Где провести границу? В очерке “Разрывы в мышлении”, подготовленном для сборника, опубликованного в рамках проекта “Гоминиды”, я привожу эволюционные аргументы в пользу того, что нам, прежде всего, не следует заниматься проведением границ. Нет такого закона природы, согласно которому границы всегда должны быть отчетливыми.

В декабре 2000 года я оказался в числе тех, кого член парламента Дэвид Милибэнд (тогда глава стратегического аппарата премьер-министра, а ныне министр школьного образования²) пригласил принять участие в написании докладных по определенным вопросам, которые Тони Блэр должен был прочитать во время рождественских каникул. Моя сводка была посвящена теме “Наука, генетика, риск и этика”, и я воспроизвожу здесь этот прежде не публиковавшийся текст (я исключил раздел о риске и еще несколько отрывков, чтобы избежать перекрывания с другими очерками в этом сборнике).

1 К семейству гоминид (*Hominidae*, англ. *great apes*) из современных животных относятся люди, шимпанзе, гориллы и орангутаны. — *Прим. пер.*

2 Впоследствии Милибэнд сменил еще несколько министерских портфелей. Последней его государственной должностью был пост министра иностранных дел в правительстве Гордона Брауна. — *Прим. пер.*

Любое предложение хотя бы в малейшей степени ограничить право на суд присяжных встречается возмущенными воплями. В каждом из трех случаев, когда меня приглашали войти в состав коллегии присяжных, это был неприятный опыт, избавлявший меня от иллюзий. Через много лет два непомерно раздутых прессой процесса, проходивших в США, подтолкнули меня к выделению основной причины моего недоверия к этому институту, которую я изложил в очерке “Суд присяжных”.

Магические кристаллы входят в обязательный реквизит экстрасенсов, оккультистов, медиумов и других шарлатанов. Цель моей следующей статьи состояла в том, чтобы рассказать правду о магии кристаллов читателям одной из лондонских газет — “Санди телеграф”. Было время, когда лишь бульварные издания позволяли себе поддерживать суеверия вроде гадания или астрологии. Теперь же иные из ведущих газет, в том числе “Телеграф”, опустили до публикации постоянных астрологических колонок. По этой причине я и согласился написать для этой газеты статью “Истина и хрустальные шары”.

Следующий очерк, “Разоблачение постмодернизма”, направлен против шарлатанства другого сорта, более замысловатого. Закон сохранения трудности Докинза гласит, что обскурантизм в пределах любой учебной дисциплины расширяется, заполняя вакуум присущей ей внутренней простоты. Например, физика — действительно трудный и глубокий предмет, поэтому физикам нужно (что они и делают) усердно трудиться над тем, чтобы сделать свой язык как можно проще (“но не проще, чем можно”, как справедливо подчеркивал Эйнштейн). Преподаватели других дисциплин (тут неизбежно будут помянуты континентальные школы литературной критики и социологии) страдают от того, что Питер Б. Медавар (если не ошибаюсь) назвал “завистью к физике”. Они хотят, чтобы за ними тоже признавали глубину, но в действительности их предметы довольно просты и поверхностны, поэтому им приходится перегружать свой профессиональный язык в стремлении компенсировать неравенство. Физик Алан Сокал осуществил фее-

рически смешной розыгрыш над “коллективным телом” редакции (а над чем же еще?) одного особо претенциозного социологического журнала. Впоследствии Сокал и его коллега Жан Брикмон опубликовали книгу “Интеллектуальные уловки”, в которой профессионально проанализировали эту эпидемию “модного нонсенса” (так было озаглавлено американское издание их книги). “Разоблачение постмодернизма” — моя рецензия на эту забавнейшую книгу, дающую вместе с тем серьезный повод для беспокойства.

К этому следует добавить, что хотя слово “постмодернизм” и употреблено в заглавии рецензии, предложенном мне редакцией журнала “Нейчур”, из этого не следует, что мне (или редакции) известно, что оно значит. По моему убеждению, оно не значит ровным счетом ничего — за исключением того, что понимают под этим словом специалисты по архитектуре, откуда оно и происходит. Когда же это слово используют в каком-либо другом значении, я советую сделать следующее. Немедленно прервите собеседника и спросите его (нейтральным тоном дружеского любопытства), что это значит — постмодернизм. Мне ни разу не довелось услышать в ответ ничего хотя бы отдаленно напоминающего пригодное для использования — или даже сколько-нибудь связанное — определение. Наилучшим из возможных ответов будет нервное хихиканье и что-нибудь вроде: “Да, это ужасное слово, не правда ли, но вы же понимаете, о чем я”. Нет, не понимаю!

Как человека, всю жизнь работавшего преподавателем, меня очень беспокоит, что мы делаем с системой образования. Едва ли не каждый день мне приходится слышать ужасные истории об амбициозных родителях или амбициозных школах, которые лишают детей радостей детства. Причем начиная с безумно раннего возраста. Шестилетний мальчик получает “консультации психолога”, потому что “тревожится” по поводу снижения своей успеваемости по математике. Классная руководительница вызывает родителей маленькой девочки, чтобы посоветовать отправить ее на дополнительные занятия. Родители пытаются настаивать, что учить их ребенка — дело школы. Почему их дочь отстает от других? А потому, терпеливо

Часть I

Наука и чувства

доказывает учительница, что родители всех остальных детей в классе оплачивают их дополнительные занятия с репетиторами.

Под угрозой не только радости детства. Под угрозой и радости истинного образования: чтения ради приобщения к прекрасной книге, а не ради подготовки к экзамену, занятия предметом потому, что это интересно, а не потому, что это входит в программу, возможности увидеть, как горят глаза превосходного учителя — просто от любви к своему предмету. Очерк “Радость жить опасной жизнью: Сэндерсон из Аундла” — это попытка вызвать из прошлого дух как раз такого превосходного учителя.

Капеллан дьявола

В ВЫРАЖЕНИИ “КАПЕЛЛАН ДЬЯВОЛА”¹, КОТОРОЕ придумал Дарвин в 1856 году, когда писал своему другу Гукеру, доля шутки меньше половины:

Что за книгу мог бы написать капеллан дьявола о топорных, расточительных, неуклюжих, низких и ужасно жестоких делах природы!

От метода проб и ошибок, лишённого какого-либо плана и работающего в огромном масштабе естественного отбора, можно ожидать топорности, расточительности и неуклюжести. В расточительности уж точно сомневаться не приходится. Как я уже отмечал, изящество таких бегунов, как гепарды и газели, куплено дорогой ценой крови и страданий бесчисленных предков и тех и других. Но хотя сам *процесс*, несомненно, и отличается топорностью и неуклюжестью, его результат оказывается прямой противоположностью. Ласточке ничуть не свойственна топорность, а акуле — неуклюжесть. Топорностью и неуклюжестью, по меркам человеческих чертежей, отличается лишь сам дарвиновский алгоритм, обеспечивший их эволюцию. Что до жестокости, вот ещё одна цитата из Дарвина, из письма, адресатом которого был Аса Грей, написанного в 1860 году:

---

¹ Выражение *a devil's chaplain* встречается ещё в “Кентерберийских рассказах” Джеффри Чосера. Неясно, заимствовал ли его Дарвин или придумал сам. У Чосера “капелланам дьявола” уподоблены лъстецы, отправляющие таким образом дьявольское “богослужение”. Дарвин вкладывает в этот образ другой смысл. Он, вероятно, имеет в виду, что “капеллан дьявола” проповедовал бы зло, в отличие от обычного капеллана. — *Прим. пер.*

Я не могу убедить себя, что благой и всемогущий Бог мог умышленно создать наездников-ихневмонид с явным намерением, чтобы они питались внутри тела живых гусениц.

Жан Анри Фабр, французский современник Дарвина, описывал похожее поведение у роющей осы аммофилы:

В каждом сегменте тела личинки, как правило, имеется собственный нервный центр. Это, в частности, относится и к гусенице озимой совки — ритуальной жертве мохнатой аммофилы. Оса знакома с этой тайной анатомии: она колет гусеницу снова и снова, от одного конца тела до другого, сегмент за сегментом, ганглий за ганглием¹.

Наездники, о которых писал Дарвин, как и роющие осы, о которых писал Фабр, жалят свою жертву не для того, чтобы ее убить, а чтобы парализовать, обеспечив своей личинке запас свежего (живого) корма. Дарвин отчетливо понимал, что равнодушие к страданиям оказывается неотъемлемым следствием естественного отбора, хотя в других случаях он и пытался преуменьшить жестокость природы, предполагая, что убивающие укусы отличаются милосердной быстротой. Но капеллан дьявола не преминул бы с не меньшей быстротой заметить, что если в природе и есть милосердие, то лишь по воле случая. Природа не добра и не жестока: она безразлична. Любая доброта возникает из тех же условий, что и любая жестокость. По словам одного из самых вдумчивых последователей Дарвина, Джорджа Кристофера Уильямса²,

чем, как не осуждением, должен встретить любой человек, обладающий малейшим чувством справедливости, систему, в которой основная цель жизни состоит в том, чтобы обойти своих ближних, передав собственные гены будущим поколениям, в которой

1 <http://www.efabre.net/chapter-iv-the-cetonia-larva>.

2 WILLIAMS, G. C. *Plan & Purpose in Nature*. New York, Basic Books, 1996, p. 157.

эти успешные гены содержат послание, определяющее ход развития следующего поколения, в которой смысл этого послания всегда один — “используй окружающую среду, в том числе друзей и родственников, чтобы добиться наибольшего успеха для наших генов”, в которой если и есть что-то вроде золотого правила, оно гласит: “Играй по правилам, только если нарушать их невыгодно”?

Бернарду Шоу пришлось принять невнятную идею ламаркистской эволюции исключительно из-за моральных следствий дарвинизма. В предисловии к пенталогии “Назад к Мафусаилу” он писал:

Когда вы вполне постигаете его значение, сердце у вас в груди погружается в кучу песка. Он таит в себе чудовищный фатализм, гнусное и отвратительное низведение красоты и интеллекта, сил и замыслов, чести и высоких устремлений.

Ученик дьявола у Шоу был прямо-таки добрым малым по сравнению с “капелланом” Дарвина. Шоу не считал себя религиозным, но ему была свойственна инфантильная неспособность отличать желаемое от действительного. Это же свойство лежит сегодня в основе движения популистов, выступающих против эволюции¹:

Все, что может дать эволюция, — идея “права сильного”. Когда Гитлер уничтожил десять миллионов ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей, он действовал в полном согласии с теорией эволюции и в полном несогласии со всем, что известно людям о добре и зле... Если учить детей, что они произошли от обезьян, они будут вести себя, как обезьяны.

Совсем другая возможная реакция на бессердечность естественного отбора состоит в том, чтобы радоваться ей — вместе с социальными дарвинистами, а также, как это ни странно, с Гербертом

¹ http://scienceblogs.com/evolutionblog/2008/06/my_review_of_saving_darwin.php.

Уэллсом. В его описании Новой Республики, этой дарвинистской утопии, из “Предвидений”¹, есть строки, от которых кровь стынет в жилах.

... А как будет Новая Республика обращаться с низшими расами? Как поступит она с чернокожим?... с желтолицым?... с евреем?... с этими полчищами черных, и смуглых, и грязно-белых, и желтых людей, которые не соответствуют новым потребностям производительности? Что ж, мир есть мир, а не благотворительная организация, и я полагаю, что им предстоит исчезнуть...

... А этическая система этих людей Новой Республики, этическая система, которая будет господствовать во всемирном государстве, будет устроена так, чтобы прежде всего способствовать приплоду всего отличного, и производительного, и прекрасного, что есть в человечестве: прекрасных и сильных тел, ясных и острых умов... А тот метод, которым природа извечно пользовалась, устраивая мир, метод, не позволяющий слабости плодить слабость... есть смерть...
... У людей Новой Республики... будет идеал, который сделает убийство делом стоящим...

Джулиан Хаксли, коллега Уэллса, пытался, по сути, приглушить пессимизм “капеллана дьявола”, когда вырабатывал этическую систему, основанную на том, в чем ему виделись прогрессивные аспекты эволюции. В его очерке “Прогресс, биологический и иной”, открывающем сборник “Очерки биолога”², есть отрывки, которые выглядят почти призывом под знамена эволюции:

... лик [человечества] смотрит в том же направлении, что и основной поток эволюционирующей жизни, и его высшее предназначение, цель, необходимость стремления к которой оно так давно предощутило, состоит в том, чтобы открывать новые возмож-

1 WELLS, H. G. *Anticipations of the Reaction of Mechanical and Scientific Progress upon Human Life and Thought*. London, Chapman and Hall, 1902.

2 HUXLEY, J. *Essays of a Biologist*. London, Chatto & Windus, 1926.

ности для процесса, которым природа была поглощена на протяжении всех этих миллионов лет, чтобы внедрять все менее и менее расточительные методы, чтобы ускорять с помощью человеческого сознания то, что в прошлом было делом слепых бессознательных сил.

Я предпочитаю встать на сторону деда Джулиана — бодро и воинственно настроенного Томаса Г. Хаксли (Гексли): согласиться, в отличие от Шоу, с ведущей ролью естественного отбора в биологической эволюции, признать, в отличие от Джулиана, ее отталкивающие свойства и, в отличие от Уэллса, по-человечески бороться с ними. Вот что сказал Томас Генри Хаксли в 1893 году, выступая в Оксфорде с Роменсовской лекцией¹ на тему “Эволюция и этика”²:

Давайте поймем раз и навсегда, что этический прогресс общества строится не на подражании космическому процессу и тем более не на бегстве от него, а на противостоянии ему.

Именно это советует нам сегодня Джордж Кристофер Уильямс, и это же советую всем я. В зловещей проповеди “капеллана дьявола” я слышу призыв к оружию. Как ученый я остаюсь страстным дарвинистом, убежденным, что естественный отбор является если не единственной движущей силой эволюции, то, несомненно, единственной известной силой, способной создавать иллюзию замысла, которая так поражает любого, кто берется размышлять о природе. Но в то же время, оставаясь сторонником дарвинизма как ученый, я страстный антидарвинист в том, что касается политики и устройства наших человеческих дел. Мои предыдущие книги, такие как “Эгоистичный ген” и “Слепой часовщик”³, пре-

1 Роменсовские лекции (*Romanes Lectures*) — престижные публичные лекции, с которыми в Оксфорде один раз в год выступает какой-либо выдающийся ученый, мыслитель, политик или деятель искусств. Учредителем этих лекций был английский естествоиспытатель Джордж Роменс (1848–1894). — *Прим. пер.*

2 <http://alepho.clarku.edu/buxley/CE9/E-E.html>.

3 DAWKINS, R. *The Selfish Gene*. Oxford, Oxford University Press, 1976; 2nd edn 1989.

возносят несомненную фактическую правоту “капеллана дьявола” (если бы Дарвин решил продолжить список мрачных эпитетов в его обвинительной речи, он, возможно, включил бы туда “эгоистичных” и “слепых”). Но в то же время я всегда оставался верным заключительным словам моей первой книги: “Мы — единственные существа на земле, способные восстать против тирании эгоистичных репликаторов”.

Если вам кажется, что вы усмотрели здесь непоследовательность или даже противоречие, вы ошибаетесь. Нет никакой непоследовательности в том, чтобы как ученому оставаться сторонником дарвинизма и вместе с тем по-человечески быть его противником. Непоследовательности тут не больше, чем в том, чтобы изучать природу рака, занимаясь фундаментальной медициной, и вместе с тем бороться с раком, работая врачом. Объяснимые дарвиновские механизмы эволюции наделили нас мозгом, который увеличивался до тех пор, пока не приобрел способность разбираться в собственном происхождении, отвергать моральные следствия этих механизмов и бороться против них. Всякий раз, когда мы прибегаем к контрацепции, мы демонстрируем, что наш мозг может срывать планы дарвиновской эволюции. Если, как подсказывает моя жена, эгоистичные гены суть Франкенштейны, а все живое — созданный ими монстр, мы одни можем довершить этот сюжет, восстав против своего создателя. Мы видим почти полную противоположность строкам епископа Хебера: “И все в природе мило, / И только люди злы”¹. Да, люди тоже бывают злыми, но мы — единственный остров, на котором можно укрыться от зла, сулимого “капелланом дьявола”: от жестокости и от топорной, неуклюжей расточительности природы.

Наш вид с его уникальным даром предвидения (продуктом той искусственной реальности, которую мы называем воображением)

DAWKINS, R. *The Blind Watchmaker*. London, Longman, 1986; London, Penguin, 2000.

¹ Реджинальд Хебер (1783–1826) — англиканский епископ, миссионер и автор известных церковных гимнов, один из которых содержит цитируемые строки (“И что с того, что ветры / Цейлона так теплы, / И все в природе мило, / И только люди злы?”). — *Прим. пер.*

может строить планы, совершенно чуждые расточительности, которые, в случае успеха, позволят нам свести к минимуму топорность и неуклюжесть жизни. К тому же мы всегда можем находить утешение в благословенном даре понимания, даже если *предметом* нашего понимания будет недоброе послание “капеллана дьявола”. Можно представить себе, что “капеллан” возмужал и дополнил свою проповедь второй частью. Да, говорит этот “капеллан”, исторический процесс, который привел к вашему существованию, расточителен, жесток и низок. И все же радуйтесь своему существованию, ибо тот самый процесс в своей неуклюжести породил собственную противоположность. Конечно, эта противоположность невелика и локальна: всего один вид, и лишь меньшинство его представителей, но она дает нам надежду.

Тем более радуйтесь тому, что топорный и жестокий алгоритм естественного отбора создал устройство, способное вместить в себя сам этот алгоритм, способное к построению модели самого себя — и многого другого — в пределах внутреннего мира, заключенного у нас в головах. Хотя Джулиану Хаксли и досталось от меня на этих страницах, надо отметить, что в 1926 году он опубликовал стихотворение, в котором сказал кое-что из того, что хочу сказать и я (а также кое-что из того, чего я говорить не хочу):

В твой детский ум ворвался мир вещей,
Чтоб свет в прозрачной комнате зажечь.
Случилось там немало странных встреч,
И мысли-вещи размножились в ней.
Пройдя через порог ее дверей,
Плоть стала духом, породила речь,
Чтоб после внутренний твой мир увлечь
Делами во сто крат его важней.
Там мертвецы с звездами говорят,
Экватор — с полюсом, со светом — тень.
Окно темницы мысли растворят
И вырвутся из мрака в светлый день.

Трудам Вселенной нужен был итог —
И вот в умах людей был создан Бог¹.

Позднее Джулиан Хаксли писал в “Очерках гуманиста”²:

Наша земля — одно из тех редких мест в мироздании, где расцвел разум. Человек есть продукт почти трех миллиардов лет эволюции, в лице которого эволюционный процесс наконец осознал самого себя и свои возможности. Нравится нам это или нет, мы отвечаем за всю дальнейшую эволюцию нашей планеты.

Российско-американский генетик Феодосий Добржанский, который наряду с Джулианом Хаксли входит в число светил неodarвинизма (синтетической теории эволюции), высказывал сходную мысль³:

Породив человека, эволюционный процесс (очевидно, впервые и единственный раз за всю историю мироздания) осознал самое себя.

Капеллан дьявола мог бы сказать в заключение: возрадуйся, двуногий примат! Акула плавает лучше тебя, гепард — лучше бегаёт, стриж — лучше летает, капуцин — лучше лазает. Слон сильнее тебя, а секвойя — долговечнее. Но тебе достался самый ценный дар — дар понимания того жестокого, беспощадного процесса, который породил нас всех, дар отвращения к его последствиям, дар предвидения, совершенно чуждого неуклюжим кратковременным приемам естественного отбора, и дар способности вместить в себя само мироздание.

Мы одарены мозгом, который, если дать ему образование и предоставить свободу, способен моделировать Вселенную с ее физическими законами, в которые встроен дарвиновский алгоритм. Сам Дарвин сформулировал в знаменитых заключительных строках “Происхождения видов”:

1 HUXLEY (1926).

2 HUXLEY, J. *Essays of a Humanist*. London, Penguin, 1966.

3 DOBZHANSKY, THEODOSIUS *Changing Man // Science*, 155 (27 January 1967): 409.

Таким образом, из борьбы в природе, из голода и смерти непосредственно вытекает самый высокий результат, какой мы в состоянии себе представить, а именно — образование высших животных. Есть величие в этом воззрении, согласно которому жизнь с целым рядом ее возможностей первоначально была дана¹ немногим формам или всего одной; и между тем как наша планета продолжает вращаться согласно неизменному закону тяготения, из такого простого начала развилось и продолжает развиваться бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм.

В этом воззрении есть не только величие, хотя тем, кто прятется под одеялом невежества, оно может показаться зловещим и бездушным. Пронизывающие ветра понимания — “ветра, что дуют вдоль звездных дорог”, о которых писал Йейтс², — освежают и бодрят того, кто готов обратиться к ним лицом. В другом очерке я цитирую слова замечательного учителя, Фредерика Уильяма Сэндерсона, который призывал своих учеников “жить опасной жизнью...”:

Исполненной жаркого огня вдохновения, своевольной, революционной, энергичной, демонической, дионисийской, переполненной жгучим стремлением к творчеству — такой жизнью живет человек, рискующий безопасностью и счастьем ради роста и счастья.

- 1 Во втором и всех последующих изданиях “Происхождения видов” Дарвин добавил в этом месте “Творцом” (*by the Creator*), предположительно в угоду религиозным чувствам читателей.
- 2 Из стихотворения “Моему сердцу — призыв не знать страха” (*To my Heart, bidding it have no Fear*):

Не дрожи, мое сердце, постой,
Но мудрости древней припомни урок:
Кого в дрожь повергают потоп и пожар,
И ветра, что дуют вдоль звездных дорог,
Того звездный ветер, потоп и пожар
Погребут под собой, ибо он чужой
На пиру бытия, в царстве древних чар.

— Прим. пер.

Безопасность и счастье предполагали бы удовлетворенность простыми ответами и дешевыми утешениями, жизнь со всеми удобствами утешительной лжи. Демоническая альтернатива, к которой призывает мой возмужавший “капеллан дьявола”, рискованна. Она требует утраты утешительных иллюзий: сделав этот выбор, вы уже не сможете сосать соску веры в бессмертие. Рискуя этим, вы стремитесь обрести “рост и счастье” — радость сознания того, что вы повзрослели и приняли вызов своего существования, сознания того, что оно не вечно и потому тем более драгоценно¹.

1 Когда я выбирал заголовок для этого очерка, я не знал, что Би-би-си уже использовала фразу Дарвина “капеллан дьявола” в качестве названия для превосходного документального фильма, основанного на биографии Дарвина, которую написали Эдриан Дезмонд и Джеймс Мур.

Что есть истина?¹

“**П**ОЛУЗНАЙСТВО ЛОЖЬ В СЕБЕ ТАИТ”, — ЭТА мысль никогда не казалась мне ни особенно глубокой, ни особенно мудрой², но когда речь идет о полузнайстве в вопросах философии (как это часто и бывает), она вполне уместна. Ученый, осмелившийся произнести слово на букву “и” (“истина”), рискует тут же столкнуться с возражениями философского свойства, какими-нибудь такими:

Абсолютной истины не существует. Когда вы утверждаете, что научный метод, в том числе математика и логика, есть привилегированный путь к познанию истины, вы прибегаете к личной вере. Человек другой культуры мог бы верить, что истина находится в кишках кролика или в исступленных пророчествах шамана, сидящего на столбе. Только ваша личная вера в науку заставляет вас предпочитать вашу разновидность истины другим.

Это направление поверхностной философии называют культурным релятивизмом. Оно представляет собой одно из проявлений *модного нонсенса*, который диагностировали в одноименной книге

---

1 Впервые текст был опубликован под заголовком *Hall of Mirrors* в журнале “Форбс Эй-эс-эй-пи” 2 октября 2000 года.

2 Оригинал Поупа великолепен, но в отрыве от контекста этот афоризм теряет всю свою прелесть. (Цитата из поэмы “Опыт о критике” в пер. А. Субботина: “И полузнайство ложь в себе таит; / Струю упивайся пиерид; / Один глоток пьянит рассудок твой, / Пьешь много — снова с трезвой головой”. — *Прим. пер.*)

Алан Сокал и Жан Брикмон¹, или *высшего суеверия*, как это назвали Пол Гросс и Норман Левитт². Его феминистскую разновидность убедительно разоблачили Дафна Патай и Норетта Кертджи, авторы книги “Проповедь феминизма: поучительные истории из удивительного мира женских исследований”³:

Студентам, изучающим предмет “женские исследования”, сегодня рассказывают, что логика — это орудие господства... а общепринятые нормы и методы научного исследования — проявления сексизма, потому что они не совместимы с “женскими способами познания”... Эти “субъективистки” видят в методах логики, анализа и абстрактного мышления “чужую территорию, принадлежащую мужчинам” и “ценят интуицию как более надежный и плодотворный подход к поиску истины”.

Как ученым отвечать тем, кто заявляет: наша “вера” в логику и научный метод является не более чем верой, а не “привилегированным” (их излюбленное слово) путем познания истины? Проще всего будет сказать, что наука позволяет получать результаты. Я писал в книге “Река, текущая из рая”⁴:

Покажите мне культурного релятивиста на высоте тридцать тысяч футов, и я покажу вам лицемера... Если вы летите на международный конгресс антропологов или литературных критиков, причина, по которой вы, вероятно, туда попадете, а не рухнете вниз, на пашню, состоит в том, что множество западных инженеров, получивших естественнонаучное образование, правильно решили свои задачи.

- 1 Британское издание: SOKAL, A. and J. BRICMONT *Intellectual Impostures*. London, Profile Books, 1998. См. мою рецензию на эту книгу (“Разоблачение постмодернизма”) в данном сборнике.
- 2 GROSS, P. and N. LEVITT *Higher Superstition*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1994.
- 3 ПАТАЙ, D. and N. КОЕРТГЕ *Professing Feminism: Cautionary Tales from the Strange World of Women's Studies*. New York, Basic Books, 1994.
- 4 DAWKINS, R. *River Out of Eden*. New York, Basic Books, 1995.

Наука подкрепляет свою претензию на знание истины своей впечатляющей способностью заставлять вещество и энергию прыгать по команде через кольцо, а также умением предсказывать, что и когда случится.

Но, может быть, лишь наша западная научная предвзятость заставляет нас поражаться точным предсказаниям, поражаться способности запускать ракеты, облетающие Юпитер и достигающие Сатурна или перехватывающие телескоп “Хаббл” и производящие его ремонт, поражаться самой логике? Что ж, давайте попробуем это признать и поразмышлять в социологическом, даже демократическом ключе. Предположим, на время мы согласимся относиться к научной истине как к одной из многих и поставим ее в один ряд с другими истинами: истиной тробрианцев, истиной кикуйю, истиной маори, истиной эскимосов, истиной навахо, истиной яномамо, истиной бушменов, истиной феминисток, истиной исламистов, истиной индуистов. Этот список можно продолжать без конца — из чего можно сделать один важный вывод.

Теоретически люди могли отвергать одну “истину” и принимать другую, если она казалась им лучше прежней. На каком основании они могли это делать? Зачем отвергать, например, истину кикуйю ради истины навахо? Такие случаи предпочтения лучшей истины случаются редко — за одним принципиально важным исключением. Научная истина — единственная в списке, в превосходстве которой люди убеждаются постоянно. Они сохраняют верность другим системам убеждений только по одной причине: их так воспитали, и ничего лучшего они не знают. Когда людям дают возможность “голосовать ногами”, настоящие врачи и им подобные преуспевают, а знахари сидят без дела. Даже те, кто не хочет или не может позволить себе естественнонаучное образование, предпочитают пользоваться благами технологий, которые стали возможны благодаря естественнонаучному образованию, полученному другими. Надо признать, что религиозные миссионеры тоже могут похвастаться успешным обращением в свою веру людей из всех слаборазвитых регионов планеты. Но миссионеры преуспевают не потому,

что их религия лучше, а благодаря научно-технологическим достижениям, которые ставят ей в заслугу, что вполне простительно, но неправильно.

Христианский Бог, наверное, сильнее наших джу-дзу, ведь представители Христа приходят с винтовками, телескопами, бензопилами, радиоприемниками, календарями, которые предсказывают затмения с точностью до минуты, и лекарствами, которые лечат.

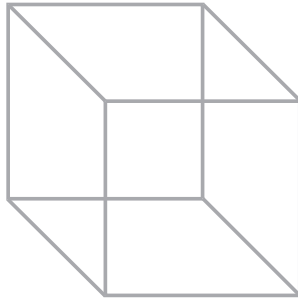
Это что касается культурного релятивизма. Борцы за истину иного сорта предпочитают упомянуть Карла Поппера или (что более модно) Томаса Куна:

Абсолютной истины не существует. Ваши научные истины суть не более чем гипотезы, ложность которых до сих пор не была установлена в ходе проверок. Им на смену неизбежно придут другие. В худшем случае — после следующей научной революции сегодняшние “истины” покажутся старомодными и нелепыми, если не ложными. Лучшее, на что вы, ученые, можете рассчитывать, — это ряд приближений, в котором постепенно становится меньше ошибок, но устранить их полностью никогда не удастся.

Попперианское направление в стане борцов за истину обязано своим существованием случайности — тому, что философы науки с давних пор зациклены на одном эпизоде в ее истории: на сравнении теорий тяготения Ньютона и Эйнштейна. Ньютоновский закон, согласно которому сила тяготения обратно пропорциональна квадрату расстояния, на самом деле оказался приближением — частным случаем более общей формулы Эйнштейна¹. Если ваши знания об истории науки ограничиваются этим примером, вы и в самом деле можете прийти к выводу, что все кажущиеся научные истины

¹ Формула Ньютона получается из уравнений Эйнштейна в предельном случае, когда скорости в рассматриваемой системе незначительны по сравнению со скоростью света, а гравитационный потенциал много меньше квадрата скорости света. — *Прим. пер.*

суть не более чем приближения, которым неизбежно придут на смену другие. Интересно, что в некотором смысле все, что мы воспринимаем с помощью органов чувств, те “реальные” вещи, которые мы “видим собственными глазами”, можно считать лишь гипотезами, ложность которых еще не была установлена. Этот подход можно с успехом применить к иллюзиям, таким как куб Неккера.

Эта плоская геометрическая фигура, нанесенная типографской краской на бумагу, совместима с двумя разными “гипотезами” об объеме. Поэтому мы видим в ней изображение куба, которое через несколько секунд “переворачивается”, превращаясь в изображение другого куба, затем возвращается в исходный вид, и так далее. Возможно, сведения, поступающие от органов чувств, всегда лишь подтверждают или опровергают наши мысленные “гипотезы” об окружающем мире¹.

Что ж, это интересная теория, точно так же, как и философская концепция, согласно которой наука движется вперед за счет предположений и их опровержения, и точно так же, как и аналогия между ними. Это направление мысли (согласно которому все наше восприятие есть лишь гипотетические модели у нас в мозгу) может заставить нас опасаться, что граница между реальностью и иллюзиями окажется размытой у наших потомков, жизнь которых будет

¹ Так трактует иллюзии крупнейший из ныне живущих специалистов: GREGORY, R. *Eye and Brain*, 5th edn. Oxford, Oxford University Press, 1998.

еще больше поглощена компьютерами, способными создавать собственные правдоподобные модели окружающего. Но мы и так, не погружаясь в высокотехнологичный мир виртуальной реальности, знаем, что наши органы чувств легко обмануть. Если нашим представлениям о реальности не хватает скептической твердости, то фокусник (профессиональный иллюзионист) может убедить нас, что на наших глазах происходит что-то сверхъестественное. Надо сказать, что некоторым известным фокусникам, которые занимались именно этим, удавалось неплохо зарабатывать — намного больше, чем тем из них, кто честно признавал, что они фокусники¹. Ученые, к сожалению, полагают не лучшим реквизитом для разоблачения таких шарлатанов, как телепаты, медиумы и сгибатели ложек. Эту работу лучше доверять профессионалам, то есть другим иллюзионистам. Урок, который мы можем извлечь из деятельности иллюзионистов (как честных, так и обманщиков), состоит в том, что безотчетно верить своим чувствам — не безупречный способ доискаться истины.

Но все это, похоже, нисколько не подрывает наших обычных представлений о том, что считать истинным, а что ложным. Если я выступаю на суде в качестве свидетеля и обвинитель, грозя пальцем, требует сказать: “Истинно или ложно утверждение, что вы были в Чикаго в ночь убийства?” — разговор со мной будет коротким, если я отвечу:

Что вы имеете в виду под словом “истинно”? Ложность гипотезы, согласно которой я был в эту ночь в Чикаго, пока не доказана, но со временем мы неизбежно убедимся, что эта гипотеза — не более чем приближение.

1 Концертирующие оккультисты и экстрасенсы, которые охотно выступают перед учеными, ссылаются на головную боль и отказываются продолжать, если им становится известно, что в первом ряду партера сидит группа профессиональных фокусников. По этой же причине тогдашний главный редактор журнала “Нейчур” Джон Мэддокс прибег к помощи иллюзиониста Джеймса Рэнди (Удивительного Рэнди), когда расследовал случай, в котором гомеопатов подозревали в жульничестве. Некоторых это возмутило, но это было вполне разумное решение. Настоящему ученому нечего бояться скептически настроенного иллюзиониста, заглядывающего ему через плечо.

Или, возвращаясь к первому возражению, я не смогу рассчитывать на сочувствие присяжных, даже каких-нибудь бонгольских, если заявлю, что

я был эту ночь в Чикаго лишь в том смысле слова “в”, который принят в вашей западной науке. У бонгольцев в ходу совершенно другая концепция понятия “в”, согласно которой человек истинно находится “в” каком-либо месте только в том случае, если он является одним из посвященных старейшин, которые вправе нюхать табак с высушенной козлиной мошонки.

Утверждения, что Солнце горячее Земли или что стол, за которым я пишу, сделан из дерева, истинны. Это не гипотезы, ожидающие проверки, не временные приближения к вечно ускользающей истине, не какие-то местные истины, которые может отвергать другая культура. И то же самое можно с уверенностью сказать о многих научных истинах, даже если мы не можем увидеть их “собственными глазами”. Истинно, и всегда будет истинно, что молекула ДНК — это двойная спираль и что у вас и у шимпанзе (или у осьминога и кенгуру) когда-то, в достаточно далеком прошлом, были общие предки. Педант будет настаивать, что это лишь гипотезы, ложность которых может быть когда-нибудь доказана. Но этого никогда не случится. Строго говоря, та истина, что в юрском периоде не было людей, тоже всего лишь предположение, которое в любой момент может быть опровергнуто находкой единственного ископаемого, возраст которого будет убедительно показан целым рядом радиометрических методов. Это могло бы случиться. Хотите, поспорим? Эти утверждения, даже если номинально они остаются гипотезами, подвергающимися проверке, истинны ровно в том же смысле, в каком истинны обыкновенные факты нашей повседневной жизни, истинны в том же смысле, в каком истинно, что у вас есть голова или что мой стол сделан из дерева. Если научные истины и открыты для философских сомнений, то не более, чем истины здравого смысла. Давайте, по крайней мере, будем беспристрастны в своих философских возражениях.

Здесь наша научная концепция истины сталкивается с более серьезным затруднением. Наука и здравый смысл — отнюдь не синонимы. Томас Г. Хаксли, этот доблестный герой науки, сказал:

Наука есть не что иное, как обученный и дисциплинированный здравый смысл, от которого она отличается лишь тем же, чем ветеран может отличаться от новобранца, а ее методы отличаются от методов здравого смысла не более, чем искусство фехтования гвардейца отличается от умения дикаря владеть своей дубиной.

Но Хаксли говорил о методах, а не о выводах науки. Как подчеркивал Льюис Уолперт в книге “Противоестественное естество науки”¹, эти выводы бывают крайне неожиданными. Выводы квантовой теории настолько неожиданны, что иногда кажется, будто физики на грани безумия. Нас уверяют, что квант ведет себя как частица, когда проходит через одно отверстие, а не через другое, но одновременно ведет себя как волна, интерферируя с несуществующей копией самого себя, если открывается другое отверстие, через которое такая несуществующая копия могла бы пройти (если бы существовала). Хуже того, некоторые физики предполагают существование огромного числа параллельных, недоступных друг другу миров, которые непрерывно множатся, обеспечивая свершение каждого альтернативного квантового события, в то время как другие физики, столь же отчаянные, полагают, что квантовые события определяются задним числом в зависимости от нашего решения изучить их последствия. Квантовая теория поражает нас такой странностью, таким вызовом здравому смыслу, что даже великий Ричард Фейнман однажды заметил: “Я думаю, что смело могу утверждать: квантовую механику не понимает никто”. И все же множество прогнозов, с помощью которых проверяли квантовую теорию, выполнялись с такой необычайной точностью, что Фейнман сравнил ее с измерением расстояния между Нью-Йорком и Лос-Анджелесом

¹ WOLPERT, L. *The Unnatural Nature of Science*. London, Faber & Faber, 1993.

Ричард Докинз

Капеллан дьявола

с точностью до толщины человеческого волоса. Судя по этим поразительно успешным прогнозам, квантовая теория, по крайней мере в каком-то ее варианте, не менее истинна, чем любые другие наши знания.

Современная физика учит нас, что истина не так проста, как нам кажется на первый взгляд — или как кажется нашему крайне ограниченному разуму, который эволюция приспособила иметь дело с объектами средних размеров, движущимися со средними скоростями, преодолевая средние расстояния на просторах Африки. Перед лицом этих глубоких и возвышенных тайн низкопробные интеллектуальные потуги позеров, изображающих из себя философов, выглядят не стоящими внимания взрослого человека.